

Е Цзюньшу, запинаясь, расспросил нескольких прохожих, прежде чем нашел нужное место. В висках у него пульсировала резкая боль, мешая здраво соображать. Наконец он увидел дом, на который ему указали. Возле входа в переулок собралась толпа. Цзычжоу подбежал к ним и похлопал по плечу коренастого мужчину, стоявшего с краю: — Дядя, скажите, это здесь живет мясник Лэй?

— Здесь, — мужчина оглядел Е Цзюньшу с ног до головы.

— У тебя к нему дело?

— Я слышал, у него случилась беда, пришел проведать.

— А, ты тоже прослышал... Да, жалко мясника Лэя, горе-то какое! — Мужчина со вздохом покачал головой и указал внутрь: — Он сам там, во дворе...

Е Цзюньшу поспешно протиснулся сквозь толпу: — Пропустите, пожалуйста, дайте пройти. Оказавшись впереди, он окинул взглядом двор. У дверей дома стояли несколько бедно одетых крестьян и гэров, они стояли спиной к нему, и до него доносились их приглушенные голоса. Цзычжоу быстро подошел ближе.

— Старина Лэй, если ты и дальше так будешь, то не дашь Пань-гэру обрести покой и после смерти.

— Уже двое суток прошло...

— И то верно. Пань-гэр тоже глупый, зачем же он сбежал обратно?

— Эх, да уж...

Е Цзюньшу всмотрелся в происходящее, и от увиденного перед глазами всё поплыло, он пошатнулся, едва удержавшись на ногах. На земле сидел дядя Лэй — весь в синяках, опухший и изможденный. Он мертвой хваткой прижимал к себе Пань-гэра. Взгляд мясника был застывшим и пустым. Голова Пань-гэра безжизненно покоилась на руке отца, глаза были плотно закрыты, а лицо, мертвенно-бледное с синеватым отливом, выдавало, что он испустил дух уже очень давно. В памяти Е Цзюньшу Пань-гэр всё еще стоял живым, бойким и озорным — воспоминания были такими яркими, будто это было вчера.

Как же так? Как это могло случиться? Он, спотыкаясь, подошел и упал на колени рядом с дядей Лэем. Глядя то на Пань-гэра, то на превратившегося в живой труп мясника, он чувствовал, как сердце переполняет горечь и скорбь: — Дядя Лэй... Пань-гэр... Как же так вышло?..

Кто-нибудь, скажите ему, что же все-таки произошло?

Е Цзюньшу не мог поверить своим глазам. Он с мольбой посмотрел на толпу. Эти люди с состраданием и болью на лицах — должно быть, соседи и знакомые дяди Лэя, они обязаны хоть что-то знать...

— Что... что случилось на самом деле?

Разве Пань-гэр не должен был благополучно находиться в доме своего деда? Почему он вернулся? Зачем он вернулся? Как его могли погубить?

Стоявшие рядом люди переглянулись. Видя, что этот незнакомый юноша искренне привязан к семье мясника, и глядя на обезумевшего от горя отца, они начали наперебой рассказывать.

— Всё началось еще полмесяца назад. Люди этого Второго господина Мина невесть зачем заявили на рынок. Видно, мясник Лэй им чем-то не приглянулся: они не только разнесли его прилавок, но и избili беднягу так, что он несколько дней не мог подняться с постели...

— Пань-гэр, глупое дитя, услышал об этом и, умирая от страха за отца, тайком сбежал от деда и вернулся. Неизвестно, как просочились слухи, но те изверги увидели его и решили забрать силой! Разбойники! Настоящие звери, а не люди!

— Мясник Лэй насмерть вцепился в них, не давая утащить сына в поместье Мин. У самых ворот поднялся крик... И тогда... Пань-гэр сам бросился головой на каменную статую. Там же, на месте... и преставился...

— Те мерзавцы увидели, что парень мертв, сочли это дурным знаком и бросили его. Мы тайком перевезли отца с сыном сюда. Как только мясник Лэй очнулся, он вцепился в Пань-гэра и не выпускает. Вот уже двое суток так сидит...

— Говорят, семья, с которой Пань-гэр был помолвлен, была там же, на месте. Но даже видя своими глазами, как будущего тестя едва не забили до смерти, а их суженого уводят силой, они и пикнуть не посмели. Тьфу!

— Эх, а кто осмелится перечить Минам? Умрешь — и справедливости не добьешься. Даже судья им потакает. Что мы, простые люди, можем сделать?

— И то правда...

Е Цзюньшу смотрел на Пань-гэра, слушая рассказы соседей. Его глаза налились кровью, кулаки сжались так, что проступили вены. Семья Мин... Опять Мин...

Мины!

— Парень, если можешь, упроси мясника. Мертвых не вернешь, пусть лучше Пань-гэр поскорее обретет покой в земле.

— Да, мы уже как только ни уговаривали... Нельзя же так, не по-людски это...

Глаза Е Цзюньшу затуманились от слез. С тех пор как не стало родителей, он впервые видел смерть так близко, но совсем не чувствовал страха. Хотя они были знакомы с Пань-гэром всего несколько месяцев, и дядя Лэй, и его сын всегда были к нему добры.

Странно порой сплетаются человеческие судьбы. У Цзычжоу не было к Пань-гэру романтических чувств, но тот стал ему близким другом, почти братом — при том, что сам Пань-гэр, будучи чуть старше, всегда пытался опекать его...

Цзычжоу даже думал, что, когда Пань-гэр выйдет замуж, он станет ему названным братом со стороны семьи, чтобы муж не смел обижать его, видя, что за парнем кто-то стоит...

И пока с Пань-гэром творилась такая беда, он ничего не знал. Совсем ничего...

Буквально на днях тот еще сердито препирался с ним, а теперь, при новой встрече, он так тих. Больше никогда не откроет глаза, чтобы метнуть гневный взгляд, никогда не расплывется в

торжествующей улыбке, выиграв спор...

Так не должно быть... Не должно...

Е Цзюньшу долго смотрел на них, прежде чем заставил себя принять реальность.

Он с силой зажмурился.

Хотя погода еще не была жаркой и тело Пань-гэра не начало тлеть, свершившееся не изменить. Погребение было единственным, что он мог сейчас дать другу.

Дрожащей рукой Е Цзюньшу накрыл холодную ладонь дяди Лэя и начал палец за пальцем разжимать его хватку.

— Дядя Лэй... Душа Пань-гэра не захочет видеть вас таким... Неужели вы позволите ему... уйти с тяжелым сердцем?..

Небо затянуло пепельно-серым, тяжелые тучи давили так, что трудно было дышать. Свирепый ветер завывал в ветвях, заставляя их жалобно скрипеть, то и дело гремел глухой гром, а длинные всполохи молний прорезали мглу, вселяя трепет.

Разверзлись хляби небесные, в миг превратив мир в сплошную белую пелену. Дождь нещадно хлестал по всему живому, потоки воды срывались с черепичных крыш, собирались в выбоинах и стекали мутными ручьями.

— Лу-гэр, скорее! Иди сюда скорее!

По галерее быстро промелькнула маленькая фигурка, скрывшись в дверях внутренних покоев.

У окна виднелось несколько маленьких голов — дети во все глаза смотрели на бегущего брата.

Стоило Лу-гэру убежать в комнату, как Сяо Шань тут же подскочил к нему и накинул на голову большое полотенце.

— Быстрее вытирайся! Одежда намокла? Переодеться надо? Говорил же тебе — не стой у порога!

— Всё хорошо, второй брат, одежда сухая, — Лу-гэр принялся вытирать мокрое лицо. — Старшего брата всё нет...

— Когда вернется да-гэ? — Цинь-гэр, хлопая ресницами, задавал этот вопрос уже в сотый раз.

Сяо Шань посмотрел в окно. Наступила глубокая ночь, да еще этот ливень... Да-гэ никогда не задерживался так поздно. Не тревожиться было невозможно, но пока старшего не было, Сяо Шань оставался опорой дома и не мог показать младшим свой страх.

Поэтому он твердо произнес: — Старшего брата наверняка что-то задержало. Давайте еще подождем, он скоро будет.

— Но ведь... — Лу-гэр всё равно не находил себе места. Брат уехал в уезд, а вдруг там люди Мина?..

Сяо Шань отрезал: — Мы должны верить в старшего брата!

Лу-гэр нерешительно кивнул, но на душе было беспокойно.

Они ждали очень долго — так долго, что каждый из младших успел спросить о брате раз по десять. Сяо Шань совсем охрип, успокаивая их.

Наступило время сна, а Цзычжоу всё не было. Близнецы, которых обычно укладывал старший, немного покапризничали, уронили по паре «золотых слезинок» и наконец обиженно засопели.

Сяо Шань смахнул холодный пот, подумав, что с близнецами становится всё труднее управляться — и как это брат держит их в такой узде? Обернувшись, он увидел, что Цинь-гэр тоже уснул, обняв свое одеяльце.

Только Лу-гэр, не закрывая окна, сидел на скамье и неподвижно всматривался в темноту, ловя каждый звук снаружи.

Сяо Шань подошел к нему: — Лу-гэр, иди спать. Я сам подожду у двери.

Мальчик покачал головой с тревожным видом: — Второй брат, я не усну. Давай подождем вместе.

Сяо Шань еще поугovarивал его, но, поняв, что это бесполезно, остался сидеть рядом.

Они ждали и ждали, пока оба не начали клевать носами, обхватив колени. Глубокой ночью Лу-гэр внезапно вздрогнул и вскочил: — Да-гэ вернулся!

Сяо Шань проснулся, протер глаза и, сбрасывая сонливость, бросился за братом: — Лу-гэр, надень шляпу!

Дождь к тому времени поутих, гром и молнии смолкли, но с неба всё еще сыпала изморось. Накинув бамбуковую шляпу, Лу-гэр радостно побежал открывать ворота.

Снаружи, промокший до нитки, застыл Е Цзюньшу. Он стоял неподвижно, словно изваяние — будь на месте Лу-гэра кто-то пугливый, точно бы лишился чувств от страха. Но Лу-гэр лишь просиял и, перепрыгнув порог, бросился к нему: — Брат, ты наконец-то вернулся!

Лу-гэр протянул маленькую ручку и схватил Е Цзюньшу за ладонь — та была насквозь мокрой и ледяной. Мальчик тут же затревожился: — Брат, скорее прими горячую ванну, а то заболеешь! Второй брат положил в печь много дров, вода точно еще теплая...

Он потянул Е Цзюньшу за руку в дом, но тот не сдвинулся с места. Не сумев сдвинуть брата, Лу-гэр недоуменно обернулся и задрал голову: — Брат?

Теплое и мягкое прикосновение маленькой ладошки не могло согреть заледеневшее сердце. Е Цзюньшу медленно опустил голову, его губы дрогнули: — Пань-гэр умер...

Лу-гэр замер, глядя на брата, словно не понимая смысла слов. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем его глаза в ужасе расширились, а лицо стало белее полотна.

— Брат! Лу-гэр! Ну чего вы там застряли? Заходите скорее!

Сяо Шань, подождав немного под навесом и не дождавшись их, нетерпеливо притопнул, схватил еще одну бамбуковую шляпу и выбежал под дождь.

Сознание вернулось к Е Цзюньшу. Он взял Лу-гэра за руку, вошел в дом и плотно закрыл дверь. Лу-гэр послушно шел за ним, словно лишившись души.

Сяо Шань уже вовсю хлопотал на кухне, наливая горячую воду для брата. Тот промок до нитки и наверняка продрог до костей. — Брат, я уже приготовил одежду, иди скорее в ванную.

Сяо Шань засыпал его просьбами, стоило тому войти. Е Цзюньшу выдавил подобие улыбки. Он машинально хотел погладить Сяо Шаня по голове, но, увидев свою мокрую, грязную руку, так и не решился. Он развернулся и ушел в моечную.

Сяо Шань не заметил странного состояния старшего. Он метался по кухне: брат вернулся так поздно и наверняка проголодался. Нужно сварить миску горячей лапши, чтобы согреть желудок, и обязательно — имбирный отвар с сахаром, чтобы прогнать простуду. Пока Сяо Шань суетился, он увидел Лу-гэра, застывшего у порога. Он хотел было позвать его помочь с дровами, но тот стоял неподвижно, будто не слыша.

Сяо Шань подошел, помог Лу-гэру снять шляпу, коснулся его холодного личика и заботливо сказал: — Лу-гэр, ты совсем измотался? Иди ложись спать, брат уже дома.

Лу-гэр не кивнул и не покачал головой. Он развернулся и молча побрел по галерее.

Погрузившись в горячую воду, Е Цзюньшу на мгновение ощутил удушье, но ледяное тело начало постепенно отогреваться, и мысли прояснились. Он смотрел на свои ладони — на них остались багровые следы от ногтей, впивавшихся в кожу от чрезмерного напряжения. Пальцы ныли.

Ему стоило огромных трудов уговорить дядю Лэя позволить похоронить Пань-гэра. Соседи уже всё подготовили, дожидаясь лишь момента, когда тело можно будет положить в гроб. Вместе со всеми Цзычжоу помогал опускать гроб в землю. Пань-гэр навсегда остался в этом мгновении — в возрасте, когда жизнь должна была только расцветать...

Е Цзюньшу закрыл глаза. Когда он открыл их снова, его зрачки стали черными, как тушь, не выражая ни единой эмоции. Выйдя из моечной, он уже ничем не выдавал своего состояния. Увидев, что Сяо Шань сварил имбирный отвар и лапшу, он с благодарностью принял еду и велел брату идти спать, пообещав прибраться самому. Сяо Шань и правда валился с ног. Убедившись, что больше не нужен, он зевнул и ушел в комнату, где мгновенно уснул рядом с близнецами.

Е Цзюньшу не чувствовал голода, но, не желая обижать Сяо Шаня, съел всё до последней капли. Желудок наполнился горячим бульоном. Сон не шел. Прохаживаясь по галерее, он заметил маленькую фигурку, съежившуюся в темном углу. Цзычжоу подошел, присел и, протянув руки, поднял брата на руки. Он понес его в комнату, легонько похлопывая по спине: — Лу-гэр, не бойся.

Мальчик прижался к нему, его била крупная дрожь. На мгновение Е Цзюньшу пожалел, что рассказал ему об этом. Спустя долгое время Лу-гэр, казалось, немного успокоился. Он поднял заплаканное лицо с покрасневшими глазами: — Прости... я не знал...

Он не знал, погиб ли Пань-гэр в его прошлой жизни. Тогда, спустя всего пару дней после появления тех людей, его самого утащили в поместье. Смерти родных братьев одна за другой стали для него слишком тяжелым ударом; в то время он жил как в тумане, ничего не замечая

вокруг. Он не знал, сколько людей погибло, не знал их имен. Ему казалось, что он и сам уже мертв. В его памяти жили лишь образы погибших братьев и Цинь-гэра, и единственная мысль: «Почему я всё еще жив?..» О Пань-гэре он услышал только сейчас от старшего брата...

Е Цзюньшу крепче прижал его к себе и хрипло произнес: — Не вини себя. Это не твоя вина.

Лу-гэр обхватил брата руками, и слезы потекли с новой силой. — Они погубят еще много людей?

— Не погубят...

Успокоив и уложив Лу-гэра, Цзычжоу стер следы слез с его лица и тихо вздохнул. Лу-гэр плакал даже во сне — когда же это чувство тревоги наконец покинет его сердце? Наверное, только тогда, когда людей из семьи Мин больше не будет на этом свете...

Взгляд Е Цзюньшу стал тяжелым и глубоким. Он не сомкнул глаз до самого рассвета, слушая, как всю ночь шумит дождь. Ливень прекратился лишь когда небо начало едва заметно светлеть. Небо казалось безупречно чистым, словно вымытым. Постепенно разгоравшийся свет болезненно резал глаза. Моргнув, чтобы унять резь, Цзычжоу приготовил детям завтрак и бесшумно покинул дом, быстрыми шагами направляясь в сторону уезда. Он вспомнил вчерашний взгляд дяди Лэя — в душе росло нехорошее предчувствие. «Только бы он не наделал глупостей...»

<http://bllate.org/book/15226/1356172>